

УДК 80/81  
ББК 81.2-4

**ОБ ОБЩЕНАРОДНОМ ХАРАКТЕРЕ  
УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ  
РОДСТВА И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-  
СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ В ЯЗЫКАХ  
РАЗНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ**

**Эгамназаров Хамза  
Хакназарович**, к. филол. н.,  
доцент, заведующий  
кафедрой иностранных  
языков ТГУПБП  
(Таджикистан, Худжанд)

**ДАР БОРАИ ХУСУСИЯТИ УМУМИХАЛҚИИ  
ИСТИФОДАИ БАЪЗЕ ИСТИЛОҲОТИ  
ХЕШУТАБОРӢ ВА ВИЖАГИҲОИ  
ФУНКЦИОНАЛИЮ СЕМАНТИКИИ ОНҲО ДАР  
ЗАБОНҲОИ СОХТИ ГРАММАТИКИАШОН  
МУХТАЛИФ**

**Эгамназаров Ҳамза  
Ҳақназарович**, н.и.филол.,  
доцент, мудири кафедраи  
забонҳои хориҷии ДДҲБСТ  
(Тоҷикистон, Хучанд)

**ON GENERAL CHARACTER  
OF USE OF SOME KINDS OF TERMS  
DESIGNING RELATIONSHIP AND  
THEIR FUNCTIONAL-SEMANTIC  
PECULIARITIES IN LANGUAGES OF  
DIFFERENT GRAMMATICAL  
STRUCTURES**

**Egamnazarov Hamza  
Haknazarovich**, candidate of  
philological sciences,  
Associated Professor, head of  
the department of foreign  
languages attached to the  
TSULBP (Tajikistan, Khujand)  
E-MAIL: hamzajon\_19@mail.ru

**Ключевые слова:** термины родства, полифункциональный характер, диалектные словари, внутрисемейные термины, выражение степени родства, разноструктурные языки

Рассматривается общенародный характер употребления отдельных терминов родства, которые отмечаются известными специалистами мира, а также их полифункциональный характер в языках разного грамматического строя. В качестве иллюстративного материала использованы отдельные термины родства узбекского и русского языков. Сделан вывод, что по характеру выражения степени родства их можно разделить на две группы: 1) «близкая родственность»; 2) «дальняя родственность». Перечислены лексемы (и фраземы), которые употребляются по отношению к лицам, родственные отношения с которыми находятся на стадии забывания. Также особое внимание уделяется важности изучения терминов родства в разноструктурных языках.

**Калидвожаҳо:** истилоҳҳои хешутаборӣ, хусусияти бисёрфункционалӣ, истилоҳҳои дохили оилавӣ, ифодаи дараҷаи хешутаборӣ, забонҳои гуногунсохтор, фарҳангҳои лаҳҷа

Хусусияти умумихалқии истифодаи истилоҳоти алоҳидаи хешутаборӣ, ки аз ҷониби олимони маъруфи ҷаҳон қайд шудаанд, инчунин табиати бисёрфункционалии онҳо дар забонҳои сохти граматикиашон мухталиф баррасӣ шудааст. Ба сифати мисол истилоҳҳои алоҳидаи забонҳои ўзбекӣ ва русӣ истифода гардидаанд. Муаллиф ба

---

хулоса расидааст, ки аз нигоҳи ифодаи дараҷаи хешовандӣ онҳоро ба ду гурӯҳ тақсим кардан мумкин аст: 1) «хешовандии наздик»; 2) “хешовандии дур”. Лексемаҳо (ва фразамаҳо)-е номбар шудаанд, ки барои ифодаи ашхосе ба қор мераванд, муносибатҳои хешутаборӣ бо онҳо дар марҳилаи фаромӯши қарор доранд. Ба аҳамияти омӯзиши истилоҳоти хешутаборӣ дар забонҳои сохторашон гуногун диққати махсус дода шудааст.

**Keywords:** *terms of relationship, multifunctional nature, dialect dictionaries, inner family terms, expression of the degree of relationship, languages with different structures*

*The article dwells on the nation-wide character of the usage of individual terms of relationship which are noted by well-known experts of the world and their multifunctional character in languages of different grammatical systems as well. Some terms of relationship of Uzbek and Russian languages are resorted to serving as an illustrative material. To sum it up, the author comes to the conclusion that by the nature of the expression of the degree of relationship they can be divided into two groups: 1) “close relationship”; 2) "distant relationship." In his article the author enumerates lexemes and phrasemes that are used in relation to persons whose family relationships are at the stage of oblivion. Particular attention is paid to the importance of study in regard to the terms of relationship in the languages of different structures as well.*

Как известно, термины родства образуют своеобразные микросистемы лексики каждого языка, сопоставительное исследование которых дает правильное представление о родственном генезисе языков, входящих в одну языковую семью. Якоб Гримм, определяя родство индоевропейских языков, приводил четыре группы терминов, которые являлись показательными в отношении установления родства языков.

К ним относятся:

- 1) система числительных;
- 2) местоимения;
- 3) *verbum substantivum*;
- 4) термины родства типа "отец", "мать", "сестра", "брат", "дочь"[2, с. 94].

М.М. Гухман в статье «Доиндоевропейские термины родства в германских языках» отмечает: «...в последующих работах как германисты, так и индоевропейцы в более широком смысле вынуждены были все более и более считаться с наличием в индоевропейских языках, помимо общеизвестной группы терминов родства, еще каких-то других терминов, более примитивных по форме и при этом общих не одним индоевропейским языкам» [2, с. 97].

М.М. Гухман свидетельствует еще и о том, что «...диалектальные словари вскрыли наличие этих комплексов почти во всех диалектах немецкого языка, как южных, так и северных» [2, с.112]. Вывод М.М. Гухмана заключается в том, что многие термины, обозначающие кровное родство между людьми, носят «общенародный, интернациональный» характер и возникли путем редупликации одного слога и усечения первого согласного. Он поддерживает определение А.Ф. Потта о том, что более широко распространена редупликация среди языков земного шара в качестве универсального для разных языковых стадий приема словообразования и словоизменения. В указанной выше работе М.М. Гухмана отмечается, что «...путем редупликации образованы термины родства типа *tata // tate, dade*

со значениями «отец», «дядя по отцу», «дед»; *muhme*, *tetja* со значениями «мать», «сестра по матери»; *nahna*, *panne*, *nanna* со значениями «отец», «мать», «бабушка», «дедушка»; путем усечения первого согласного – *atta*, *ette*, *ade* со значениями «отец», «дядя по отцу», «дед»; *ama*, *amma* – «мать», «сестра по матери»; *an*, *en*, *ano* – «отец», «мать», «бабушка», «дедушка» [2, с. 107]. Далее М.М. Гухман пишет о том, что «...исследователей поражали два обстоятельства:

1) чрезвычайная распространенность этих комплексов на всем земном шаре, наличие их в абсолютно, казалось бы, чуждых и несхожих языках;

2) расплывчатость семантики каждого комплекса, обозначающего сплошь и рядом в одном или в близко соседствующих языках «отец», «мать», «дед», «тетка по матери» и т.д.

М.М. Гухман правильно отмечает, что термины родства "...действительно являются излюбленным материалом, используемым особенно широко для доказательства непоколебимости основ компаративистики». Б. Дельбрюк «...специально выделил эти вторые, сходные по своей структуре: в основном редупликация одного слога типа санскритского *tata*, немецких диалектальных *deda*, *nena*, *muhme*, иногда с усечением первого согласного *ata*, *ama*, *ane* и т.д.».

Термины родства изучены на материале многих языков. Э.В. Севортян пишет: "...изучение терминов родства создает некоторые трудности. Это заключается в том, что общность основных терминов родства в различных языковых семьях нуждается в объяснении, при котором надо, видимо, исключить генетическую общность всех этих лексических разрядов. В противном случае встает вопрос о генетических отношениях между самими языковыми семьями" [12, с.17].

Термины родства на материалах русского языка изучены А.И. Моисеевым [7, с.100]. В тюркологии ТР в монографическом плане исследованы на материалах азербайджанского, татарского, узбекского, кыргызского языков. Есть и работы, в которых изучение вопроса имеет общетюркологический характер. К таким относятся работы А.А. Покровской [10], А.Н. Кононова [6], К.М. Мусаева и др. [8].

Эти работы по своему характеру разнообразны. Некоторые из них имеют общетеоретический характер и изданы в виде статей; отдельные носят монографический характер. В некоторых работах имеется этимологический анализ отдельных терминов родства. Среди них по объему и содержанию выделяется работа А.А. Покровской "Термины родства в тюркских языках"[10]. Основным объектом исследования А.А. Покровской является терминологическая система родства в тюркских языках. В них отмечается, что "...терминология родства относится к наиболее архаическим пластам лексики. В этой лексико-семантической группе названия, отражающие главнейшие родственные отношения, бесспорно, входят в основной словарный фонд каждого языка. Изучение терминологической системы родства в каком-либо языке или группе языков представляет большие трудности вследствие того, что «...форма семьи изменяется быстрее, чем система родства, и поэтому у самых различных народов наблюдаются несоответствия между сохранившейся с давних времен системой родственных отношений и современной формой семьи. Такое же явление наблюдается и у тюркских народов» [10, с. 86].

В работе А.А. Покровской исследованы двадцать семь названий родства, среди них и ТР для лиц женского пола, которые выделены в две группы:

1) ТР по крови (*кыз,ана, ача* // *эже, аба, сингил, карындаш* // *кадаш, уруг, туган* // *тухма, тай* // *дайы, йеген, боло, угей*);

2) ТР по браку (*кадын// хатуну, келин, йезке, йенге, бажса, балдыз, куда*).

Автор исследования справедливо пишет: «...настоящая работа является первым и, разумеется, весьма несовершенным опытом рассмотрения в лингвистическом плане терминов родства, общих для всех или большинства современных тюркских языков» [10, с.126].

В изучении терминов родства в тюркских языках немаловажную роль играет монография И. Исмоилова "Термины родства в тюркских языках" [5]. Исследование состоит из трех разделов:

1) термины родства (*она, ота, ўгил, қиз, ака // ога, ини, она, сингил, қариндош, бува, амаки, жиян, невара*);

2) термины родства послебрачных отношений (*эр, хотин, куёв, келин, янга, почча, божа, овсин, болдиз, қайин, куда, ўгай*);

3) названия свойства, сродничных отношений (сродные дети, сродные братья, сродные сестры).

В качестве объекта в работе И. Исмоилова привлечены материалы узбекского, уйгурского, казахского, киргизского, каракалпакского и туркменского языков. В ней отмечается: «...изучение терминов родства в узбекском и уйгурском языках имело нелингвистический характер», что поддерживает и М.Ш. Саидова [11, с. 82]. Она пишет, что «...исследование терминов родства носит преимущественно этнографический характер».

Термины родства изучены и на основе материалов отдельных говоров тюркских языков. Так, в диссертации М.Ш. Саидовой «Лексико-семантический анализ терминов родства наманганских говоров» [11, с. 21] изучено формирование системы ТР наманганских говоров узбекского языка. В работе основное внимание уделено процессу исторического формирования терминов родства начиная с древнейших времен и до наших дней, прослежены их фонетические, морфологические, семантические изменения. Диссертационное исследование М.Ш. Саидовой состоит из двух глав. Первая глава посвящена анализу терминов: «отец», «мать», «дедушка», «бабушка», «сестра», «зять», «свояк». Во второй главе дается этимологический анализ терминов: «жена», «свояченица», «муж сестры и тёти», «свояк», «невестка», «уда» (дети, рожденные в течение одного года), «младший брат».

Вывод диссертанта заключается в том, что «...термины родства являются неотъемлемой частью словарного фонда и занимают важное место в лексике языка» [11, с. 137]. Следует отметить, что все эти работы созданы на основе традиционных методов. В них не учитывается системный характер ТР лексики каждого языка.

В тюркологии имеются, например, работы Г.Г. Джафарова [3] и М. Нарзиевой [9], в которых ТР азербайджанского и узбекского языков изучены на основе системного метода.

Системный характер ТР характеризуется тем, что все термины связаны друг с другом на основе выражения определенных отношений. «Общим для терминов родства является то, что все они выражают отношения. Отношение - есть способ сравнения или рассмотрения двух вещей вместе и присвоения имени на основании этого сравнения одной или обеими, иногда даже самому отношению» [9, с. 68]. Г.Г. Джафаров, основываясь на наблюдении А.И. Моисеева, указывает на три типа соотносительностей между терминами родства:

1) встречная относительность – соотносительность;

- 2) родовая (или косвенная) соотносительность;
- 3) последовательная (или нумеративная) соотносительность.

В рамках встречной соотносительности сопоставляются и противопоставляются термины родства вместе с выраженными ими степенями родства на основании несовпадения, диаметральной противоположности соответствующих им оснований родства: «отец – сын», «мать – дочь», «невестка – свекор» и т.д.

В рамках родовой (косвенной) соотносительности рассматриваются термины родства, которые взаимно дополняют друг друга, за исключением одного случая (термины «муж» и «жена»).

В рамках последовательной (линейной) соотносительности сопоставляются и противопоставляются термины родства, которые различаются друг от друга по отношению к хронологическому срезу (отец -дед // отец отца- прадед // отец деда). Отмечается, что данный тип относительности в самом деле не образует соотносительности, поскольку носит линейный характер [3, с.23-24].

Всесторонне охарактеризованы особенности тюркской системы родства в статье Н.П. Дыренковой «Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов» [4, с. 25]. Хотя статья построена на основе данных кыргызского языка, тем не менее, в описанной системе родства есть сходные черты с системами родства других тюркских народов. Н.П. Дыренкова отмечает, что «1) кыргызы строго различают категорию родства от категории свойства. В свою очередь родство распадается на родство по линии отца и по линии матери; 2) для терминологии родства кыргызского языка прежде всего характерно то, что в ней чётко сохранились черты классификационной системы. Целый ряд терминов применяется к целому классу лиц, по отношению к которым в нашей системе допускаются только термины индивидуальные или описательные. Так, термин *аке* применяется ко всем братьям отца, родным, двоюродным, троюродным и т.п. по линии отца; *синди* – к младшим сестрам всех степеней родства».

Как и в других классификационных системах, здесь существуют различные термины для обозначения «сестры» в зависимости от пола говорящего. Далее характерно, что наряду с классификационным характером терминологии в терминах родства по отцовской линии строго проводится дифференциация по старшинству лет. Так, в терминологии различают классы «сестер старше говорящего» и «сестер младше говорящего»; позже - по отношению к братьям, дядям и т.д.

Наоборот, в материнском родстве дифференциация по старшинству лет совершенно отсутствует, но зато в нем строго соблюдается старшинство по поколениям, которое в свою очередь совершенно не принимается во внимание в отцовском родстве. Так, например, по отцовскому родству *дядя*, *брат отца*, если он по возрасту моложе племянника, называет последнего так же, как старшего брата или своего дядю, и обратно – сам носит название младшего брата. А дядя по материнской линии имеет один только термин независимо от возраста [4, с.11-12].

Характерной особенностью терминов родства является то, что большинство из них являются многозначными, полифункциональными. Например, значение термина родства «*ата*» в тюркских языках зафиксировано в словаре Э.В. Севортыяна:

- 1) отец, папа, тетя, моя свекровь, мой тесть (чув.), крестный отец (чув.);
- 2) дед по отцу (турк.), дед (турк. диал.), предок (кырг., ккал. и др.), патриарх (кар.), старик, старец;

3) прибавляется к имени пожилого мужчины при обращении к нему при употреблении его имени (турк., уз.), вежливое обращение к пожилому мужчине (уз.), обращение к старикам (кул.), *уважаемый, почтенный* (турк. диал.), обращение у женщин к более старшей по возрасту (турк. диал.);

4) дядя (турк. диал.);

5) старший брат (турк. диал.), старшая сестра (турк. диал.);

6) самец (ног., тат., башк.) [12, с. 200].

Э.В. Севортян отмечает, что «...из состава значений *ama* видно, что центральные среди них связаны с патриархальным укладом; старший в роде или семье, т.е. отец – «дед». Для этого «мужского» типа значений характерно, в частности, значение «самец», представленное в ног., тат., башк. языках.

По женской линии для семантики *ama* характерно, что, например, «дед» исторически означает «деда со стороны отца» (в противоположность - *баба* «дед со стороны матери») [12, с. 206].

По поводу происхождения терминов родства со значениями «брат отца и матери», «дядя» и «сестра отца матери», «тетя» Морган полагает, что в системе родства, отражающей пуналуа («туранская система родства»), «сестра матери» является одновременно матерью и «брат отца» – отцом, тогда как «брат матери» считается дядей и «сестра отца» – «тетей». В отличие от более поздней системы, эти термины существуют вначале только для брата матери и для сестры отца, поскольку «сестра матери» при форме семьи пуналуа является матерью и брат отца – отцом. В свое время Ф.Энгельс отметил, что «...система терминов родства, будучи консервативной, часто не соответствует действующим у данного народа семейным отношениям, а отражает предшествующую ступень общественного развития». В качестве примера Ф.Энгельс приводит термины родства у ирокезов Северной Америки. У них господствовала «парная семья». Можно было бы ожидать, что термины «отец», «мать», «сын», «дочь», «брат», «сестра» по своему значению соответствуют этой форме семьи. В действительности оказалось не так. «Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом, ирокез называет детей своих сестер, как и своих собственных детей, своими сыновьями и дочерьми, а те называют ее матерью, дети братьев, как и дети сестер, называют друг друга братьями и сестрами» [2]. В. И. Абаев свидетельствует о том, что «...в осетинском языке термины «отец» (*fud*), «мать» (*mad*), «сын» (*furt*) являются семейными, т.е. применяются к внутрисемейным отношениям родства в нашем современном понимании» [1, с. 239].

Подобные обычаи характерны и для семейно-родственной жизни тюркских народов, в том числе и для кыргызов. Один из ведущих этнографов, изучавших семейно-родственную жизнь кыргызского народа, С.М. Абрамзон, ссылаясь на мысли С.Е. Малова и Н.П. Дыренковой, отмечает, что «...в глоссарии к своему замечательному труду С.Е. Малов к термину *jagin* дает пояснение «племянник», «внук», а к термину *jigun* – «название родства», а в глоссарии к другому своему труду поясняет термин *jigan* как «родственник» (внук); но ведь речь идет не о племяннике и внуке вообще, а о племяннике и внуке со стороны брата матери». «Дядя, - пишет Н.П. Дыренкова, - называет племянника *éseni* – у шорцев, *éseni-jeeni* - у кумандинцев, *jeen* – у телеутов и шолганов-челканцев, *jeen* – у алтайцев и *neeni* – у тубаларов. Этим термином дядя называет, кроме своих племянников, т.е. кроме сына и дочери своей сестры, еще внуков своей сестры, сына и дочь своей дочери и т.д.». Анало-

гичное значение имеет термин *жиян/чиян, набира* у узбеков и таджиков: «племянник» или «внук» (по женской линии) [4, с. 14]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что некоторые термины родства почти во всех языках земного шара имеют полифункциональный, полисемантический характер. Так, в узбекском и таджикском языках лексема *бобо*, кроме собственного литературного значения «родитель родителей мужского пола» («дед по линии отца и матери»), употребляется и в значениях «старший брат отца» и «старший брат матери»; лексема *ака*, кроме собственного литературного значения «сын (моих) родителей старше него» («старший брат»), употребляется и в значениях «младший брат отца» («дядя по отцу»), «младший брат матери» («дядя по матери»), а в отдельных узбекских семьях дети своих родных отцов называют лексемой *ака*, если у них дед по отцу живет вместе с ними.

Если слова употребляются в дополнительных значениях (не в собственных, а в диалектных значениях), в их семантической структуре нейтрализуется одна из основных сем. Например, лексема *ота* «родитель мужского пола» («отец») в узбекском языке употребляется и в значениях «старший брат отца» («дядя по отцу»), «старший брат матери» («дядя по матери»), в ее семантической структуре нейтрализуются семы «(мой) родитель мужского пола», «кровное родство по вертикальной линии»; в функции господствующей, основной выступает сема, которая характерна для семантической структуры лексемы в значениях «кровное родство по горизонтальной линии». Подобная особенность характерна и для семантической структуры слова *она* - «дочь (моих) родителей старше меня» («старшая сестра»), когда оно употребляется в значениях «мой родитель женского пола» («родная мать»), «вторая жена отца», «младшая сестра отца» («тётя по отцу»), «младшая сестра матери» («тётя по матери»), «жена старшего брата», «жена младшего брата отца», «жена младшего брата матери» и т.п. Таким образом, лексема *она* в узбекском языке, кроме собственного, общелитературного значения, употребляется и в нескольких необщелитературных значениях, чем характеризуется ее полифункциональность и полисемичность, что свойственно и другим терминам родства, которые употребляются в нескольких необщелитературных, дополнительных значениях.

При употреблении терминов родства в несобственных, дополнительных значениях возникают «нестандартные» синонимические ряды между двумя и более терминами родства. Например, указанный выше термин *ота* может являться членом нестандартного синонимического ряда со словами *бобо* «родитель родителей мужского пола» («дед по отцу», «дед по матери»), *амаки* «старший брат отца» («дядя по отцу»), *тога*, - «старший брат матери» («дядя по матери») и др. Подобная же функционально-семантическая особенность наблюдается в узбекском языке и при употреблении лексемы *она*. Словарным значением лексемы *она* в узбекском языке является «дочь родителей старше меня/его». Лексема *она* в узбекском языке входит в нестандартный синонимический ряд со словами *она//ойи//ая//буви//оча* в значении «родитель женского пола»; *амма* в значении «младшая сестра отца» («тётя по отцу»); *хола* в значении «младшая сестра матери» («тётя по матери»), *янга* - «жена старшего брата», «жена старшего брата отца» («жена дяди по отцу») и «жена старшего брата матери» («жена дяди по матери»), «соседка старше его» и др.

В подобных случаях семантическая структура терминов родства приобретает новые семы, которые не характерны для семантических структур терминов, которые употребляются в собственных словарных значениях, об этом частично шла речь выше.

Немного скажем об употреблении слов со значением родства, которые относятся к другим лексико-семантическим полям. В лексике узбекского языка имеются некоторые слова, которые в речи употребляются в значении родства. Своеобразный характер этих слов характеризуется тем, что они имеют родственное значение вообще («родственника» вообще). По характеру родства их можно разделить на две группы:

- 1) «близкая родственность»;
- 2) «дальняя родственность».

К первой группе степени родства относятся: *зот* (словарное значение: *род, происхождение*), *уруқ* (словарное значение: *семена*). Ко второй группе - *томир* (словарное значение: *корень*), *тараф* (словарное значение: *сторона*), *якын* (словарное значение: *близкий*), *негиз* (словарное значение; *группа, основа, куча, толпа*), фразеологическое сочетание *арқоннинг бир учи* (дословно: *одна сторона аркана // каната // веревки*). Своеобразный характер этих лексем (и фразем) заключается еще и в том, что они употребляются по отношению к лицам, родственные отношения у которых находятся на стадии забывания. При употреблении этих слов в значении родства по отношению к объекту-адресату, говорящий-субъект (адресант) не знает про отношение собеседника-адресата к родственникам по линии отца или матери.

Большинство терминов родства при общении с людьми пожилого возраста, которые не являются родственниками по отношению к говорящему, функционируют как обращение со значением уважения: «*Амаки, қаерга боряписиз?*» - «*Дядя, куда вы путь держите?*».

В узбекском языке слово *сингил* – «младшая сестра» при обращении принимает аффикс принадлежности 1-го лица (*синглим* - «моя младшая сестра»). «*Синглим, қаерда уқийсан?*» - «*Сестра, где ты учишься?*». Кроме этого, термины родства *ўғил* «сын», *қиз* «девочка, дочка», *бола* «дети» и др. в узбекском языке и в языках других тюркских народов, например в уйгурском и т.д., принимают аффиксы принадлежности 1-го лица и употребляются в отношении к лицам младшего возраста, которые являются не родственниками по отношению к эго-адресанту: *қизим* «(моя) дочка», *ўғлим* «(мой) сын», *болам* «(мой) ребенок» и т.п. В этих случаях термины родства приобретают новую дополнительную функцию-функцию звательности.

Употребление некоторых терминов родства в функции звательных слов отмечает и Б. Хасанов. Он пишет: «...некоторые лексемы (термины родства) можно назвать «звательными словами»: *агай, апай ага* (брат) и *ана* (старшая сестра). Ими называли старших родственников и сородичей. В современном языке они служат для обращения к наставникам, учителям. Большинство слов приобретает значение обращения с помощью специальных суффиксов: *ка, й, я, е, ш, с* и др.» [13, с. 213].

Некоторые термины родства типа *болакай, қизалоқ* (бола+кай) специализированы для функционирования в качестве «звательных слов», т.е. обращений. Однако их употребление имеет коммуникативное ограничение – они употребляются лишь при обращении к детям. При обращении к взрослым лицам эти слова (*болакай, қизалоқ*) приобретают фамильярный или иронический оттенок. Некоторые термины родства принимают аффиксы принадлежности 1-го и 3-го лица и употребляются по отношению к адресату, денотаты которых являются младшими или старшими по отношению к говорящим-адресантам. Например:

- 1) *синглим* (буквально: «сестра моя»);
- 2) *қизим* (буквально: «дочь//доченька моя»);



- 3) *онаси* (при обращении мужа к своей жене; буквально: «ее//его сестра»);
- 4) *отаси* (при обращении жен к своим мужьям: буквально: «его // ее отец»);
- 5) *бобоси* (при обращении бабушек к своим мужьям - дедушкам по отношению к внукам и внучкам: буквально: «его // ее дедушка»);
- 6) *бувиси //энаси* (при обращении дедушек к своим женам – бабушкам по отношению к внукам и внучкам: буквально: «его // ее бабушка») и т.д.

В заключение следует отметить, что употребление некоторых терминов родства узбекского языка и языков других народов – крупный объект для самостоятельного рассмотрения. Изучение терминов родства как отдельных пластов словарного состава языков разного грамматического строя, несомненно, даст важный результат для глубокого научного представления плана содержания лексики каждого отдельно взятого языка.

#### **Список использованной литературы:**

1. Абаев В.И. О родовых отношениях и терминах родства у осетин // В кн. «Энгельс и языкознание». – М.: Наука, 1971. – С.239-242.
2. Гухман М.М. Доиндоевропейские термины родства в германских языках / В кн. «Памяти академика Н.Я. Марра». – Л. – М.: Академия наук СССР, 1938. – С.93 - 116.
3. Джафаров Г.Г. Термины родства в семантической системе и грамматический структуре языка // СТ. - 1974. - № 3. –С.29-32.
4. Дыренкова Н.П. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов // Сборник этнографического материала. - Л., 1927. - №2. - С.7-25.
5. Исмоилова И. Термины родства в тюркских языках. – Ташкент: Фан, 1966. – 123 с.
6. Кононов А.Н. К этимологии слова *огул* "сын" // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б.Я. Владимирцева - М., 1958.- С. 175-176.
7. Моисеев А.И. Типы толкования терминов родства в словарях современного русского языка. // В кн. «Лексикографический сборник». Вып. V. - М., 1962. – 275 с.
8. Мусаев К.М. Основные проблемы изучения лексики языков // Советская тюркология. - 1978. - №3. С. 33-41.
9. Нарзиева М. Қон-қариндошлик номларининг компонент таҳлили. // Ўзбек тили ва адабиёти. - Тошкент, 1986. - № 5. –С.47-48.
10. Покровская А.А. Термины родства в тюркских языках. // В кн. «Историческое развитие лексики тюркских языков». – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.11-81.
11. Саидова М.Ш. Наманган шеваларидаги кариндошлик терминларининг лексик-семантик таҳлили: автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.20. / М.Ш. Саидова. - Тошкент, 1995. - 21с.
12. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1974. – 768 с.
13. Хасанов Б. Обращение как объект изучения социолингвистики // В кн. «Тюркское языкознание». - Ташкент: Фан, - 1985. – С. 211-214.

#### **Reference Literature:**

1. Abaev V.I. On Patrimonial Relations and Terms of Relationship among Ossetians // In the book "Engels and Linguistics." - M.: Science, 1971. - pp. 239 - 242.

2. Gukhman M.M. *Pre-Indo-European Terms of Kinship in Germanic Languages / In the book. "In Memory of Academician N.Ya. Marr. " - L. - M.: USSR Academy of Sciences, 1938. - pp. 93 - 116.*
3. Jafarov G.G. *Kinship Terms in Semantic System and Grammatical Structure of the Language // Collection of Works. - 1974. - No. 3. - pp. 29 - 32.*
4. Dyrenkova N.P. *Marriage, Terms of Kinship, and Psychic Prohibitions among Kyrgyzes // Collection of Ethnographic Material. - L., 1927. - No. 2. - pp. 7 - 25.*
5. Ismoilova I. *Terms of Relationship in Turkic Languages. - Tashkent: Science, 1966. - 123 pp.*
6. Kononov A.N. *To the Etymology of the Word "Ogul" ("Son") // Philology and History of Mongolian Nations. In memory of academician B.Ya. Vladimirtsev. - M., 1958. - pp. 175 - 176.*
7. Moiseev A.I. *Interpretation Types of Kinship Terms in Dictionaries of Modern Russian Language. // In the book "Lexicographical Collection." Issue. V. - M., 1962. - 275 pp.*
8. Musaev K.M. *The Main Problems Beset with the Study of the Vocabulary of Languages // Soviet Turkology. -1978. - # 3. - pp. 33 - 41.*
9. Narzieva M. *On-Karindoshlik Nomlaring Component Talili. // Uzbek Language and Literature. - Toshkent, 1986. - No. 5. - pp. 47-48. (in Uzbek)*
10. Pokrovskaya A.A. *Relationship Terms in Turkic Languages. // In the book. "Historical Development of Lexical Stock in Turkic Languages." - M.: Publishing-House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. - pp. 11 - 81.*
11. Saidova M.Sh. *Lexical-Semantic Analysis of Kinship Terms in Namangan Vernaculars: Synopsis of candidate dissertation in philology: 10.02.20. / M.Sh. Saidova. - Tashkent, 1995. - 21 pp. (in Uzbek)*
12. Sevortyan, E.V. *Etymological Dictionary of Turkic Languages: General Turkic and Inter-Turkic Vowel Stems / USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistics. - M.: Science, 1974. - 768 pp.*
13. Hasanov B. *Appeal to others as an Object of Study of Sociolinguistics // In the book "Turkic Linguistics." - Tashkent: Science, - 1985. - pp. 211 - 214.*